

УДК 1(091)

СХЕМА И ПРОЦЕСС В ФИЛОСОФИИ АНДРЕЯ БЕЛОГО И ЭРНСТА КАССИРЕРА

В. А. Беляева

Российский университет дружбы народов (РУДН)

Поступила в редакцию 20 апреля 2023 г.

Аннотация: в статье проводится сравнительный анализ между философией Андрея Белого и Эрнста Кассирера. В ходе анализа установлены общие предпосылки обеих теорий. На примере теорий Э. Кассирера и А. Белого объясняются возможные подходы к трактовке символа. Для понимания специфики обеих теорий обозначается проблема схемы и процесса. Ключ к решению данной проблемы состоит в особом истолковании пространства и времени в обеих теориях. В ходе решения проблемы интерпретации теорий А. Белого и Э. Кассирера заимствуется концепция А. Шюца об областях конечного смысла. Таким образом, различие между двумя теориями определяется посредством отнесения их к одной из областей. **Ключевые слова:** Э. Кассирер, А. Белый, символ, символизм, пространство и время, схема, процесс, области конечного смысла, А. Шюц.

Abstract: the article provides a comparative analysis between the philosophy of Andrey Bely and Ernst Cassirer. In that case the foundations of both theories are explained. Theories of Andrey Bely and Ernst Cassirer are taken here as possible explanations of symbolic theories. To understand the specificity of both theories the problem of scheme and process is established. The key to solve this problem is shown by the special interpretation of space and time in both theories. It is also applied the concept of finite provinces of A. Schutz's in the course of solving the problem of interpreting the theories of A. Bely and E. Cassirer. Thus, the difference between the two theories is determined by assigning them to one of the areas.

Key words: E. Cassirer, A. Bely, symbol, symbolism, space and time, scheme, process, finite provinces of meaning, A. Schutz.

В последнее время наблюдается возрастающий интерес к области символического. Центральное внимание в отечественной традиции занимает проблема символа, многие работы посвящены отличию символа от знака [1], выявляется особенность символа и его значения в культуре [2]. Хотя понятие символа зарождается еще в античности и возможно проследить основные этапы его эволюции, главенствующий вектор в науке, символ, начинает занимать в прошлом веке [3]. Символ рассматривают из различных областей наук: психологии, эстетики, семиотики, богословия. Появление и развитие новых областей наук, возросший культурный прогресс – это то, что пробудило повышенный интерес к символическому. Соответственно, в XX в. уделяется особое внимание культуре, важную роль здесь занимают идеи неокантианства. В данной традиции выделяются два особо значимых теоретика символизма: Э. Кассирер и А. Белый. Труды А. Белого по формальной

эстетике оказали значительное влияние на развитие русской семиотической школы [4]. Концепция «animal symbolicum» Э. Кассирера является основополагающей в семиотическом векторе антропологических исследований [5].

Несмотря на то что труды обоих ученых до сих пор вызывают интерес у специалистов разных областей, существенный сравнительный анализ между двумя теориями еще не проводился. Так, Д. Д. Романов сравнивает двух теоретиков символизма, однако данное рассмотрение вызывает вопросы [6, с. 60]. Сначала Д. Д. Романов пишет: «Следует оговориться, что теория русского символизма не только никак генетически не связана с философией символических форм Э. Кассирера, но даже предшествует ей и, по мнению некоторых исследователей, является даже более фундаментальной в построении теории символических систем культуры». Однако это не совсем верно. Генезиса одной философии из другой не на-

© Беляева В. А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

блюдается, но возможно проследить общие предпосылки обеих теорий. *Во-первых*, это эпоха, *во-вторых*, неокантианство, *в-третьих*, влияние других ученых и их основных идей: Гегеля и диалектического метода, Гумбольдта и понятия энергии, Канта и его основных форм чувственного созерцания.

Затем Д. Д. Романов сравнивает теории обоих ученых через понятие символизма, сужая далее понятие символизма до понятия символа [там же, с. 61]. Здесь также возникают возражения, так как нужно учитывать, что символ занимает разное место в теории Белого и теории Кассирера, так и то, что символизм они рассматривают с различных углов зрения. Чтобы выявить угол зрения, в ракурсе которого выстраиваются теории Белого и Кассирера, обозначается проблема схематизма. Ключ к решению этой проблемы состоит в особом истолковании пространства и времени в обеих теориях. В ходе решения данной проблемы заимствуется концепция А. Шюца об областях конечного смысла.

Общие предпосылки теорий Э. Кассирера и А. Белого

А. Белый и Э. Кассирер – современники, первый был рожден в 1880 г., второй – в 1874 г. Оба принадлежат к неокантианской традиции. Здесь необходимо учитывать, что, *во-первых*, неокантианство имеет несколько этапов своего развития: предысторию, разработку программы и распространение начиная с 1880 г [7]. Последний этап является общим для Кассирера и Белого. *Во-вторых*, существует несколько ветвей в развитии неокантианства. В. Н. Белов выделяет две ветви в понимании неокантианства: первая ветвь являет собой классификацию на Марбургскую и Баденскую школы; вторая ветвь, предполагающая более широкое поле определения, включает исследователей, которые переосмыслили Кантовскую критику. В данном случае Э. Кассирер относится к Марбургскому неокантианству, а А. Белый – ко второй ветви (в связи с самобытностью русского неокантианца, его трудно определить к одной из главенствующих школ). *В-третьих*, надо различать неокантианство в Германии и Русское неокантианство. В Германии данное направление имело естественный характер развития. В России неокантианство прививалось извне и носило стихийный характер рецепции. Можно говорить, что неокантианство было призвано внести систематизирующий научный подход в иррационализм и мистическую направленность, присущие русскому духу. Если в Германии философия Канта уже стала традицией, то в России только становилась популярной. Как отмечает В. Н. Белов, «лозунг Либмана «Назад к Канту» для русских сторонников трансцендентальной философии звучал как «Вперед к Канту» [8, с. 28]. Соответственно, здесь также име-

ются различия в, казалось бы, единой для двух исследователей области.

Сравнивая Кассирера и Белого, важно указать влияние других философов, которое они испытали. Хотя оба мыслителя во многом опираются на один и тот же материал, их выводы оказываются совершенно различными. Главными фигурами здесь можно считать *Гегеля, Гумбольдта, Гете и Канта*. Гегелевский диалектический принцип взят Белым как способ преодоления дуализма. В «Ритме как диалектика» [9] А. Белый утверждает следующие характеристики науки: трансформизм и предсказательность, которые основываются на диалектическом принципе. Последний включает в себя индукцию и дедукцию, как тезис и антитезис. Это воззрение проглядывается и в более ранних работах Белого. Позиция: «Критицизм – призма, разбивающая свет души на радужные краски. Символизм – обратно поставленная призма, опять собирающая эти радужные краски», – обозначенная в статье 1904 г. «Критицизм и символизм» [10, с. 38], упоминается Белым и далее, в последующих, более поздних его рефлексиях. Этот принцип наблюдается и у Э. Кассирера. Его «Ф.С.Ф.» также основана на Гегелевском диалектическом принципе, а поздняя, третья часть «Ф.С.Ф.» представляет разработку Гегелевской феноменологии [11].

В «Ф.С.Ф.» и «Опыте о человеке» Кассирер показывает невероятно глубокое ознакомление как с научными теориями предшествующих эпох, так и с научными разработками его современности. Такая система и являет собой теорию познания [12]. Подход Кассирера «системен», «рационален» и «идеалистичен». Но также научная картина Кассирера оказывается невероятно динамичной. Этот успех в изображении процессуальности достигнут Кассирером не только посредством применения диалектического метода, но и с помощью идеи эволюции. Эта общая для двух философов идея, коренится в философии Гумбольдта. Эволюция в Гумбольдовской философии связана с понятием энергии – это то, что делает живой мысль обоих ученых [13]. Согласно Гумбольдту, по мнению Кассирера, нужно понимать и Канта [14, с. 400].

Помимо Гумбольдта, также фигурой невероятной значимости для обоих философов является Гёте. Для Андрея Белого, Гёте, имел значение именно с точки зрения Белого как антропософа, ведь Гёте был символом антропософского движения, о чем говорит одно только название антропософского храма: Гётенаум. Также Белым написан целый одноименный труд посвященный Гёте и Штейнеру.

Однако Канта, Белый понимает именно так, как Кассирер считает недопустимым. Понимание Канта Белым характеризуется похожим образом на то, как Кассирер описывает понимание Канта Клейнстом [15,

с. 424]. Белый и Клейнст – оба обвиняют Кёнигсбергского философа в том, что тот «расколол мир надвое». Этот дуализм нащупывается Белым еще в статье «Символизм и Критицизм». Проблема дуализма, по Белому, возникает из понятия «вещи в себе». «Кант сознался в абсолютной невозможности познания мира в его сущности. Грань между обманчивой видимостью и непостижимой сущностью» [10, с. 41]. Наличие у субъекта форм восприятия – как на уровне чувственном, так и на уровне последующего рассудочного познания – закрывает внешний мир от субъективного познания. Так как рассудок подчинен формам чувственного созерцания, объективное знание о мире невозможно. Однако подобный трагизм дуалистического мировоззрения у Белого оборачивается позитивным раскрытием, как основной закон движения.

Проблема схематизма и живая действительность

В позднем труде «Эссе о смысле познания» Белый будет утверждать необходимость преодоления, потребность выступить дальше границ, обозначенных в Кантовской системе [16]. Это особое, присущее Белому стремление к истинно-трансцендентному можно описать в терминах Ясперса как «тоску по трансценденции» [17, с. 166]. В «Эссе о смысле познания» А. Белый критикует Канта с присущей ему эмоциональностью. Кант, по мнению А. Белого, предлагая чувственность рассматривать в априорных формах созерцания, переводит ее – изначально имманентное познание и «хаос» восприятий, в оформленные понятия, которые сами по себе чувственностью не являются [16, с. 45]. Сама первичная данность может быть, таким образом, лишь переживаемая. Подвергая чувственность вербализации, Кант оставивает динамический процесс. Критикуя Канта, Белый приходит к выводу, что «подлинный акт познания начинается до кантова акта и кончается после кантова акта» [там же, с. 41]. Теорию Канта он сравнивает с тенью от тени или с кристаллом, тогда как живая мысль имеет динамический характер, ее метафора – растение. Однако, по словам Белого, эта ступень Кантовского познания – необходимая жертва, «распятие на кресте», которая завершается в «подлинном единении с божеством» [там же, с. 47]. В данном эссе присутствует особое понимание А. Белым пространства и времени, как схемы и процесса [там же, с. 37].

Внимание Белого, сконцентрированное на живой действительности, можно наблюдать на протяжении всего его философского творчества. Так, он выстраивает теорию нового «стиховедения», основанную на ритме. В работах «Лирика и эксперимент» и «Ритм как диалектика» смысловой аспект понятий простран-

ства и времени взят Белым как основополагающее различие. Время является гораздо более важной характеристикой чувственности, нежели пространство. В ранней статье «О формах искусства» Андрей Белый выделяет следующие формы искусства: поэзию, живопись, музыку, скульптуру и зодчество. Для каждой из перечисленных форм существует свой материал единения. В обозначенном порядке они следующие: слово, краски, звук и вещество. Проблема изолированности областей решается Белым посредством ввода понятий пространства и времени [10, с. 123]. Форма выражения искусства зависит от меры присутствия в ней пространственного и временного измерения. Живопись имеет дело с двумя пространственными измерениями, так как работает с плоскостью. Зодчество имеет дело со всеми измерениями. Между зодчеством и живописью оказывается скульптура. Андрей Белый описывает переход количества измерений в качество. Так, жертвуя одним измерением пространства, живопись способна выразить наиболее тонкие настроения души. Поэзия – еще более упрощенный способ выражения, и поэтому ей доступно то, что недоступно другим формам искусства: «Между тем ему дана возможность описывать великий образ действительности. Он не стесняется пространством» [10, с. 131].

В поэзии пространство максимально редуцировано, она находится посередине между живописью и музыкой. Однако самым чистым искусством является музыка. Пространственная характеристика буквы здесь сведена до ноты. Музыка – чистая временность, и поэтому может затрагивать самый глубокий уровень чувственности, воздействовать на настроение. Таким образом, у Белого показаны динамика и коммуникация между, казалось бы, изолированными областями. В 1930 г. Кассирер будет говорить о подобной классификации, отсылая к Лессингу. Каждый отдельный вид искусства охватывает самые разные пути пространственного и временного формообразования [18].

Кассирер не ограничивается областью искусства. Применяя исторический подход, Кассирер выявляет эволюцию в понимании данных форм. Здесь он приписывает большую заслугу Лейбницу. Лейбниц сдвигает Ньютоновский акцент с субстанциональности на порядок – порядок начинает превалировать над субстанцией. Следующая ступень в эволюции понимания двух форм – это смысл [19, с. 127].

В более позднем труде «Опыт о человеке» Кассирер устанавливает природу формирования понятий пространства и времени в культурном и антропологическом аспектах и указывает на необходимость анализа не столько происхождения и развития перцептуального пространства, сколько пространства символического. Здесь Кассирер проводит особую грань между человеческим и животным миром, грань,

которая оказывается решающей для антропологической философии Кассирера. Человек гораздо менее развит, в отличие от других животных, с момента своего рождения, в области пространства действия. Однако пространство органическое отлично от пространства абстрактного, наличие абстрактного пространства – идея, проясняющая человеку путь к познавательному полю и новым векторам реализации культурной сферы. Тем не менее марбургский неокантианец не дает четкой инструкции, как перейти от переживания настоящего к пониманию времени как особого порядка, несмотря на то что сам ставит такой вопрос. Кассирер описывает процесс, но не описывает метода в надлежащих терминах конструирования системы. С одной стороны, это великое достижение, ведь схематизм отражает лишь статичную часть действительности. Но, с другой стороны, остается непонятным, как совершить шаг в область трансцендентного, как заставить мысль обратиться к тому, что до сих пор оказывалось вне области внимания.

Давайте вернемся к Андрею Белому. В «Эссе о смысле познания» Белый приходит к выводу, что подлинное познание должно совершаться в интуиции. Именно посредством интуиции познается истинная природа [15, с. 47]. Надо отметить, что Белый использует религиозные метафоры для объяснения своей мысли. Используя религиозные метафоры, он обращается к мифу. Однако к мифу он применяет критицизм, заимствованный у неокантианцев. Белый анализирует миф. Так, он создает новое измерение, новое смысловое пространство, знакомое субъекту познания на интуитивном уровне. Здесь существует различие между «философией» Белого и его «литературой». Бесспорно, что философия должна нести более ярко выраженный момент рациональности, нежели литература. Однако творческо-познавательный акт Белого своеобразен. При создании художественного мира он проходит несколько ступеней: от мифологизации до рационализации. Мифологизированию поддается интуитивно познанная часть действительности. Однако это не конечная ступень в акте творчества. Мифологизирование необходимо как акт вдохновения, т. е. инспирации, одушевления рационально почерпнутых типов и порядков верховной действительности. После него следует художественный мир, он выстроен на мифе. Эта ступень осуществляется посредством акта имажинации, т. е. воображения. Все три ступени складываются в сферу символа. Данные акты производятся Белым на основании феноменологии Штейнера [20]. Однако они применяются Белым не только к построению «малого мира». Они применимы и к постижению самой действительности.

Символизм понимался Белым не только как художественный прием, но как мировоззрение [21, с. 488].

Ступени, описанные в «Эмблематике», по словам Бориса Бугаева, были найдены у Штейнера уже по-стфактум [там же, с. 456]. Так, подлинная природа вещи обнаруживается Белым в результате самопознания. Однако такой акт возможен только при последующей рефлексии, т. е. при обращении к памяти и обнаружению нового порядка времени не как процесса, но как опыта. Этот акт, в свою очередь, осуществляется Белым посредством мистических практик, т. е. также посредством опыта обращения к памяти, но уже к памяти исторической. Ограничение единственного применения интроспекции в постижении природы обозначается и Кассирером [15, с. 458].

А. Шиян пишет: «Позиция Кассирера нацелена не на поиски смысла, стоящего за символами и знаками, а на открытие законов символического формирования действительности» [11]. Таким образом, в философии Кассирера существуют две независимые структуры: структура внешнего мира и структура мышления, – схематизм последнего оказывается связующим мостом между действительностью и условиями ее познания субъектом, результаты познания отображаются в символах. Кассирер пишет: «Человеческое знание о природе – знание символическое... Символ не имеет действительного существования в качестве части физического мира – он имеет лишь “значение”» [15, с. 507]. Данная цитата выражает четкую границу в понимании символа Кассирером, традиции которой придерживается Белый.

У Белого символ несет смысл, здесь он близок к религиозному пониманию, в данном случае он гораздо ближе к Флоренскому, Аверинцеву, Ясперсу, нежели к таким философам, как Кассирер, Шюц, Уатхэд. Однако нельзя сказать, что Кассирер был далек от сферы иррационального, как и то, что Андрей Белый был абсолютно иррационален, хоть последнего часто упрекают в мистицизме [22]. Здесь существует скорее процентное соотношение этих характеров в подходах одного и другого. От доли рационализма и иррационализма зависят области конечного смысла. Согласно теории А. Шюца, Кассирер относится к сфере научной теории [23, р. 552], Андрей Белый относится в области фантазии и сновидения. В связи с этим восприятию Белого оказываются доступны скрытые формы бессознательного. Описания этих форм встречаются в его работах «Йог», «Петербург», «Котик Летаев».

Тот факт, что символ переживается Бугаевым на высокодуховном уровне, позволяет Белому творить особый мир индивидуальных черт, в который включены все типы мировоззрений. Кассирер ценит данную сферу человеческого символизма: «Оно само остается скорее верным основному принципу жизни;

оно позволяет возникать индивидуальным произведениям, в которые производящая их творческая фантазия вдыхает дух жизни и на которые оно способно со всей свежестью и непосредственностью жизни» [18, с. 91]. Однако Кассирер является ученым своего времени, поэтому анализирует не только эстетическую область, но и всю эволюцию форм представления о символической действительности, и устанавливает особый ракурс взгляда на человека: «Animal symbolicum». Человек символизирует не только в процессе художественного творчества, человек окружен результатами своей символизации. Первым и главным выражением символизма является язык, и именно через язык открывается доступ к познанию символизма как акта.

Подытоживая, сделаем выводы. Символ Белого ведет к трансцендентной сфере – это сфера религиозного опыта. Символ Белого сакрален и самобытен. Символ Кассирера также ведет к трансцендентной сфере, но у Кассирера это сфера знания о природе. Символ Кассирера – посредник между сознанием и действительностью. Кассирер объясняет, тогда как Белый конструирует. Таким образом, обозначены две различные области конечного смысла. Не умаляя заслуги ни одного из ученых, показаны важность и значимость каждой из обозначенных областей, как и значимость обоих ученых. Несмотря на то что теории Белого и Кассирера имеют области различных применений, тем не менее они дополняют друг друга и каждая из них является друг для друга материалом, на основании которой могут происходить дальнейшее познание действительности и описание ее в доступных каждому отдельному человеку, присущих ему, формах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачев М. Д. Знак и символ / М. Д. Горбачев // Вестник Перм. ун-та. Философия. Психология. Социология. – 2022. – Вып. 1. – С. 126–132.
2. Кулагина Н. В. Символ и символическое сознание Н. В. Кулагина // Культурно-историческая психология. – 2006. – Т. 2, № 1. – С. 3–10.
3. Тодоров Ц. Теории символа / Ц. Тодоров ; пер. Борис Нарумов. – М. : Дом интеллектуальной книги : Рус. феноменол. общество, 1998. – 408 с.
4. Львов В. С. Андрей Белый и Борис Эйхенбаум по линии журнальной науки / В. С. Львов // Меди@льманах. – 2013. – № 6(59). – С. 128–137. – EDN RVMCYN.
5. Лебедева Е. А. Символ как атрибут философской антропологии (на примере взглядов Эрнста Кассирера) / Е. А. Лебедева // Актуальные проблемы современной науки : исторические, философские, методологические аспекты : сб. статей 2-й Региональной научной конференции молодых ученых (Курск, 6 мая 2022 г.). – Курск : Университет. кн., 2022. – С. 125–130. – EDN UENOGU.
6. Романов Д. Д. Социальные концепции личности в философии русского символизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Д. Д. Романов. – М., 2020.
7. Белов В. Н. Марбургское неокантианство. Часть I. Возникновение неокантианства. Марбургская школа. Герман Коген / В. Н. Белов. – Саратов, 2000. – 172 с.
8. Белов В. Н. Русское неокантианство : история и особенности развития / В. Н. Белов // Кантовский сборник. – 2012. – Вып. 1.
9. Белый А. Ритм как диалектика и медный всадник : исследование / А. Белый. – М. : Федерация, 1929.
10. Белый А. Собр. соч. Символизм. Книга статей / А. Белый ; под общ. ред. В. М. Пискунова. – М. : Культурная революция : Республика, 2010. – 527 с.
11. Шиян А. А. Феноменология или неокантианство : философия сознания Э. Кассирера / А. А. Шиян // Топас. – 2006. – № 1 (12). – С. 46–53.
12. Тетюев Л. И. Э. Кассирер и Критическая этика Канта : вопрос об интерпретациях / Л. И. Тетюев // Вестник РУДН. Серия : Философия = RUDN Journal of Philosophy. – 2018. – Vol. 22, № 1. – С. 65–75.
13. Белов В. Н. Эрнст Кассирер. Философия символических форм / В. Н. Белов // Вопросы философии. – М., 2003. – № 12. – С. 178–182.
14. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта / Э. Кассирер ; пер. с нем. М. И. Левиной ; сост. С. Я. Левит ; отв. ред. Л. Т. Мильская. – СПб. : Университет. кн., 1997. – 448 с. – (Книга света)
15. Кассирер Э. Опыт о человеке : введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер ; пер. А. Н. Муравьева // Проблема человека в западной философии / сост. и послесл. П. С. Гуревича ; под общ. ред. Ю. Н. Попова. – М. : Прогресс, 1988.
16. Белый А. О смысле познания / А. Белый // Поэзия слова (Russian Study Series 51). – Chicago : Russian Language Specialities, 1965. [Перепечатка издания: СПб. : Эпоха, 1922.] – С. 35–51.
17. Ясперс К. Философия. Книга третья. Метафизика / К. Ясперс ; пер. А. К. Судакова. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2012. – 296 с.
18. Кассирер Э. Мифическое, эстетическое и теоретическое пространство : доклад на четвертом конгрессе по эстетике и теории искусства (Гамбург, 1930) / Э. Кассирер // Вестник РХГА. – 2011. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mificheskoe-esteticheskoe-i-teoreticheskoe-prostranstvo-doklad-na-chetvertom-kongresse-po-estetike-i-teorii-iskusstva-gamburg-1930> (дата обращения: 14.02.2023).
19. Кассирер Э. Философия символических форм. Том III Феноменология познания / Э. Кассирер. – М. ; СПб. : Университет. кн., 2002. – 398 с.
20. Шмитт А. Концепция «самосознающей души» Андрея Белого : синтез ранней рецепции Канта с учением и эзотерической практикой Штайнера / А. Шмитт // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2020. – Т. 24, № 2. – С. 201–218.

21. *Белый А.* Почему я стал символистом / А. Белый // Белый А. Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и прим. Л. А. Сугай. – М. : Республика, 1994. – С. 418–460.

22. *Севастьянова В. С.* Мистицизм в творчестве Андрея Белого («симфонии») / В. С. Севастьянова //

Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 11-2. – С. 78–80. – EDN RRZVEZ.

23. *Schuetz Alfred.* On Multiple Realities Schuetz Alfred // Philosophy and Phenomenological Research. – 1945. – Vol. 5, № 4. – P. 533–576.

Российский университет дружбы народов (РУДН)
Беляева В. А., магистр кафедры онтологии и теории
познания

E-mail: belyaeva.valeria@gmail.com

Russian Peoples' Friendship University (RUDN Uni-
versity)

Belyaeva V. A., Master of Ontology and Theory of
Knowledge Department

E-mail: belyaeva.valeria@gmail.com